

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТОЛОГА

Д.В. Козлов

«НЕЦИВИЛЬНОЕ» ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – ГРАЖДАНСКАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТЕОРИИ К ОЦЕНКЕ ДИНАМИКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ)

*Д.В. Козлов, к. и. н., доц. кафедры
мировой истории и международных
отношений ИГУ*

Современный политический процесс интересным, а иногда и необычным образом все время ставит ученых перед проблемой типологии демократических режимов. Если говорить о внутрироссийском контексте, то достаточно упомянуть распространенные дискуссии о возможности использования методологии транзита для анализа специфики отечественного общественного развития в последнее десятилетие. Сюда же относятся и споры по поводу понятий: «фасадная» демократия; «регулируемая» демократия и т. п. Как известно, среди отечественных ученых нет общего мнения относительно определения сути изменений, произошедших и происходящих в России в последние десятилетия. Помимо упомянутых сторонников транзитологических подходов на ум приходят и защитники рассмотрения

данных процессов с помощью теории или метафоры революции, а также ученые, доказывающие связь внутрисоссийских событий с внешними изменениями и использующие при этом модную теорию глобализации.

Во всех этих дискуссиях так или иначе звучит тема кризиса демократического устройства. По мнению аналитиков, этот кризис возникает или из-за недостатка, «неразвитости» демократии, или, наоборот, «вымывания» содержания уже существующих длительное время демократических форм, например, связанных с институтом гражданства. Причем «вымывание» связано, по Барберу (надо только отметить, что ученый исследует не внутрисоссийские проблемы, а развитие демократии в мире в целом), с двумя противоположными тенденциями. Барбер называет их: Джихад и Макворлд. Первое наименование обозначает тенденции трайбализации и локализации человеческого существования (например, на уровне поиска своей идентичности). Второе соответствует развитию глобальных процессов, стирающих границы между странами и народами. В первом случае символом процесса становится понятие ислама, обозначающее в данном контексте идею отстаивания собственной религиозной картины мира; во втором символом становится образ МакДональдса как всемирно распространенной сети ресторанов быстрого питания. Барбер настаивает на своем отличии от идеи столкновения цивилизаций С. Хантингтона, так как оба процесса развиваются в рамках одной цивилизации, подтачивая с разных сторон демократические процедуры. Интересным ответвлением размышлений о судьбах демократии является идея конструирования и манипулирования как государством, так и противостоящим ему гражданским обществом. При этом исчезает традиционное противопоставление государства и общества, так как и то, и другое возникает и развивается как манипулируемый со стороны власти феномен (Б. Г. Капустин). Б. Барбер указывает, что в результате развития исследуемых им тенденций под угрозой оказывается республиканское измерение демократического устройства современного государства, если под этим понимать его делиберативное наполнение. С этой точки зрения, во многом, Б. Барбер продолжает традиционную республиканскую критику либерального понимания демократии (особенно, если отталкиваться от определения демократии в шумпетеревском смысле). Как выражается исследователь, нет гражданина – нет демократии.

Автора как историка не может не привлекать тема республиканской традиции в европейской цивилизации. Исследуя ее, можно выйти на возможность сравнения демократических и недемократических форм правления в их историческом развитии. Тем самым, мы ставим проблему рассмотрения демократии не как императивного установления (цивилизационного, функционального, «нормального», заимствованного, импортированного и т. п.), а как исторически развивающейся формы правления. В таком случае наше восприятие демократии и «недемократии» корректируется. Эту корректи-

ровку уместно сопоставить с интересным сюжетом в развитии американской историографии. Известный ученый Поукок в одной из своих статей рассуждает о двух вариантах понимания американской истории: литургии и иеремиаде. В одном случае речь идет о восхвалении американского пути развития, самым тесным образом связанного с развитием различных демократических практик. В другом – о критике того же самого пути развития. Но в обоих случаях, подчеркивает Поукок, не ставится под сомнение само существование некоего предзаданного пути развития. Поукок же выступает с позиции еретика, используя для этого идею влияния на американскую историю республиканской идеологии.

В этом случае Поукок развивает традиционные для своего творчества идеи, связанные с исследованием республиканской традиции. Этот подход помогает избежать столь традиционного для современных исследований черно-белого противопоставления: демократия – недемократия (справедливости ради надо отметить, что такое противопоставление само имеет определенную историю). Творчество Поукока принято относить к так называемой Кембриджской школе, к которой также относят Н. Филлипсона, Э. Пэгдена, Р. Така. Своего рода истоком формирования ее считается семинар П. Ласлетта, посвященный Д. Локку (интерпретация Ласлеттом Д. Локка получила отражение в его предисловии к изданию сочинений Локка).

Но Поукок интересен не только как представитель этой школы, но и как исследователь темы развития республиканизма в европейской интеллектуальной традиции. Само творчество ученого можно разделить на несколько этапов. Оно очень многогранно. Основная область приложения его исследований связана с историей идей (при всей неопределенности этого понятия в русском гуманитарном словоупотреблении) или с тем, что в англо-саксонской традиции определяется как «intellectual history». Сам Поукок испытывал разные интеллектуальные влияния, в свою очередь, изменяя свое определение объекта исследования (естественно, что не обошлось ни без парадигмы, ни без дискурса).

Тестом, получившим наибольший научный резонанс и продолжающим оказывать влияние до сих пор, является “magnum opus” Покока “Момент Макиавелли”. Сами темы, затрагиваемые Пококом, не новы. Их можно встретить еще у Х. Арендт, З. Финк, К. Роббинс и других исследователей. Но именно Покок выстраивает поражающую своим величием картину непрерывного развития республиканской идеи в европейском общественном сознании, начиная от Древней Греции, через Древний Рим, Италию Ренессанса, Англию XVII–XVIII веков и, наконец, Америку XVIII века.

Концепция социального капитала и республиканская теория позволяют подойти к феномену гражданского участия, гражданской ангажированности как к проблеме, связанной с коллективным взаимодействием.

Социальный капитал можно понимать как набор ресурсов, влияю-

щих на определенные социальные отношения и рассматривающиеся как полезные для достижения определенных целей индивидуальных акторов. Описание различных общественных феноменов с помощью этих подходов является достаточно распространенным. Так, Г. Лаури использует социальный капитал для анализа специфики когнитивного и социального развития ребенка или молодого человека. Д. Колмен понимает социальный капитал как набор ресурсов, связанных с социальными отношениями, характеризующимися обязательствами и ожиданиями в отношениях между людьми. В данном случае речь идет о нормах, эффективных санкциях или об отношениях по принципу взаимодействия с авторитетом. Исследователи М. Фоули и Б. Эдвардс рассматривают социальный капитал как аспект социальной структуры. К. Ньютон понимает социальный капитал как современный аналог «братства»¹.

В известном исследовании Р. Патнэма социальный капитал анализируется как составная часть долгой гражданской традиции в Италии («тезис Патнэма»). Американский политолог показывает в своем исследовании медленное изменение уровня социального капитала и обусловленность гражданского участия его наличием². Но наряду с нормативностью существуют и другие подходы, выявляющие социальный капитал в любых обществах. В частности, Ф. Фукуяма подчеркивает, что это не сокровище. Скорее для социального капитала характерно постоянное создание его людьми в процессе повседневной жизни. Социальный капитал накапливается и за счет спонтанных взаимодействий, и путем следования некоей иерархии; причем этот процесс носит как рациональный, так и иррациональный характер. Нормы, влияющие на аккумуляцию социального капитала, могут быть связаны с «социальной инженерией, рынком, формальным и обычным правом, конституционализмом, религиями откровения, народной религией, исторической традицией, биологически укорененными нормами»³. Э. Остром выделяет набор условий, необходимый для спонтанного, стихийного воспроизводства социального капитала. Это размер (локальность); границы (подразумевается возможность как можно более четкого обозначения группового членства); повторяемость взаимодействия, то есть возможность встречи в будущем. Очень важно наличие первичных норм, конституирующих общую культуру. Плюс ситуация стабильности⁴.

Особую специфику концепция приобретает в случае ее приложения к российскому обществу. Р. Роуз описывает Россию как общество песочных часов. Есть активная социальная жизнь внизу, связанная с неформальными связями; есть сложные взаимоотношения внутри элит, направленные на защиту собственных интересов. Но средняя часть песочных часов, отвечающая за связь верхов и низов, весьма узкая. Институты, на которые опираются люди в своей повседневной жизни, практически свободны от контроля со стороны государства, но одновременно они не в состоянии

оказывать влияние на него. Возникает негативный социальный контракт, или, как называет это явление Роуз, – негативная социальная интеграция. Ученый сравнивает эту ситуацию с Германской империей конца XIX в. После официального признания профсоюзов и социал-демократической партии рабочие имели свои субкультурные институты (нижняя часть песочных часов). Эти институты занимались непосредственными нуждами рабочих – помощь в старости или в болезни. Государство, в свою очередь, было ответственно перед кайзером. Для рабочих участие в деятельности субкультурных институтов стало заменой демократии. Современной иллюстрацией «негативной интеграции» служит Северная Ирландия. Католики дистанцируются от британского правительства и одновременно поддерживают свои локальные институты: школы, церкви, пабы, спортивные клубы⁵. Для современной России тоже характерно глубокое недоверие к государству. Наряду с этим развиваются неформальные институты в нижней части песочных часов, основанные на доверии к «своим», часто принимающим персонифицированный характер. В. Шляпентох рассуждает в своем исследовании о «нелегальном» гражданском обществе⁶. А. Олейник в своей теории «малого общества» описывает институции советского общества, используя понятия «двоеверие»; «блат» и т. п. С точки зрения Олейника, современное российское общество характеризуется ограниченным радиусом доверия, распространяющимся только на «своих»⁷. В этих условиях именно ненавидимое всеми государство выступает своего рода единственным интегратором фрагментированного таким образом общества. Схожие темы рассматривают такие авторы, как А. Хлопин (концепция «общества клик») и др.⁸

По мнению современного украинского социолога В. Степаненко, после крушения Советского Союза возникает социальный вакуум, в котором начинают развиваться патрон-клиентские отношения⁹. Причем развиваются они или на фоне отсутствия стабильности, или в условиях возникновения совсем не той стабильности, которая ожидается большинством общества. Возникающую стабильность скорее можно определить как мафиозную. По Роузу, развивается «антимодерное» общество, где не работают основные институты модерна. В результате возрастает роль разного рода сомнительных посредничающих структур. Столь излишне негативную оценку не разделяет С. Кордонский, размышляя о феномене гражданского и негражданского общества в России. Где есть своя «модерность», своя нормальность, которая не описывается в рамках западных теорий¹⁰.

Не вдаваясь в традиционные споры о путях развития России, можно указать на то, что сам социальный капитал можно рассматривать как нейтральный ресурс для достижения самых различных целей. То есть, наличие социального капитала не всегда благо. Классический пример в исследованиях социального капитала связан с историей Веймарской респу-

блики, при которой часто существовали различные социальные группы, в которых совмещались процессы социализации с развитием авторитарной идеологии¹¹.

Социологи часто ставят под сомнение возможность применения теории социального капитала не только к индивидам, но к нациям или к большим группам. На этом основании часто, например, критикуется корректность подхода Патнэма, объединяющего социальный капитал и гражданское участие в одно целое¹². Но это никоим образом не ставит под сомнение актуальность «тезиса Патнэма». Особенно с точки зрения попытки совмещения темы гражданской ангажированности и социального капитала. В данном случае (автор здесь согласен с датским ученым П. Моритсеном) интересно проследить взаимодействие двух концепций – социального капитала и республиканизма. Республиканизм, республиканская традиция является одной из самых концептуальных с точки зрения проблемы исследования истории гражданства, его разнообразных техник воплощения в реальность, его различных интерпретаций¹³. Наделяя смыслом гражданское сообщество, люди поддерживают эгалитаризм, превозносят компромисс, ощущают свою политическую компетентность, оценивают политиков с точки зрения их честности, уважают закон и доверяют друг другу. По Патнэму, существует связь гражданского участия в локальной сети взаимодействий, где граждане учатся доверять друг другу и отрабатывать нормы взаимности и реципрокности.

«Гражданский» республиканизм подразумевает веру в возможность развития демократических процедур, связанных с обсуждением различных проблем. Причем не просто обсуждения, но и попытки дать тот или иной ответ на проблему. Ответ, устраивающий в определенный момент всех участников обсуждения. То есть, в таком случае можно говорить о вере в существование «общего блага» как о важном измерении любого демократического режима, рассматриваемого с точки зрения данной традиции.

Республиканская реальность подразумевает свое воплощение двумя путями: или с опорой на «гражданскую» добродетель гражданина республики, или с акцентом на необходимость выстраивания определенного республиканского институционального дизайна. В последнем случае речь идет о создании формальных институтов. Одной из основных точек развития республики, ее нервом является проблема соотношения публичного и частного, в том числе в процессе различных политических действий и их обсуждения или интерпретации. То есть, соотношение собственного интереса и интересов сообщества. Именно на этом фоне разворачивается и спор о путях развития республики («момент Макиавелли»). Одни республиканцы подчеркивают важность институтов; другие – необходимость гражданского участия, ангажированности, вовлеченности в политику¹⁴.

В первом случае эта традиция влияет на развитие теории «смешан-

ного правления», разделение властей; идею сдержек и противовесов. Происходит то, что один из ренессансных мыслителей (Д. Джаннотти) назвал «механизацией добродетели». Но интересующие нас модели проявления социального капитала связаны не с институциональной стратегией республиканского дизайна. Мы говорим о совместном гражданском действии, точнее, о его возможности и влиянии на него таких форм социального капитала как норм поведения, правил поведения и соглашений. Продолжая рассуждать о взаимосвязи гражданской добродетели и социального капитала, можно попытаться рационализировать поведение в процессе соотношения общих и собственных интересов. Очень важной является проблематика доверия как продукта социального капитала. Социальное доверие во многом является механизмом, влияющим на эффективность демократических институтов. Правда, в данном случае, мы выносим за скобки социальный капитал, возникающий и развивающийся вне ассоциаций. Гражданская добродетель очевидным образом связана с социальным доверием. Но в классическом республиканизме (Макиавелли) говорится и о доверии как форме зависимости¹⁵. В то же время доверие рассматривается как необходимое для существования республики. Добавим к этому традиционную для республиканцев тему противопоставления любой правящей власти («негативная» антропология власти). Но недоверие к власти, даже ужас перед ней, перед ее мощью, одновременно разлагающей республику и необходимой для ее развития (традиционная тема так называемой «антиавторитарной» традиции в англо-саксонской политической традиции XVII–XVIII веков) не меняет того, что доверие может развиваться между индивидуумами.

Совместное гражданское участие подразумевает развитие идеи республики как нормы и как набора конкретных техник, связанных, например, со становлением делиберативного процесса. Этот процесс важен именно с точки зрения эндогенной (идущей изнутри группы, а не навязанной извне) трансформации существующих предпочтений¹⁶. Конечно, мы можем развивать и прямо противоположный взгляд – понимание политического процесса как торга между различными группами с уже заданными предпочтениями¹⁷.

В республиканской литературе приводятся два аргумента в пользу делиберативного процесса с точки зрения возможного изменения первоначальных предпочтений. Первый связан со структурой процесса; второй – с акторами, которые участвуют в нем. Во втором случае наличие гражданской добродетели предполагается у участников процесса как одно из условий его возникновения. Первый аргумент связан с правилами процесса. Например, предполагается, что публичность дискуссии может ставить под сомнение проявления узкоэгоистических предпочтений¹⁸. Иногда выдвигаются психологические аргументы, связанные с возможностью преодоления когнитивного диссонанса – различия в мыслях и действиях. Еще один

довод – появление в ходе обсуждения дополнительной информации.

Важной проблемой делиберативного процесса является возможность манипуляции его ходом в стратегических целях. В этом случае собственные взгляды формулируются в терминах идеи общего блага с целью манипулировать другими участниками процесса. Это не отменяет проблемы наличия определенных качеств у участников процесса, – вежливости, восприятия другого, критичности (в этом случае возникает определенное сходство с пониманием политики как торга с точки зрения наличия определенных неменяющихся характеристик). Очень важной остается проблема равенства между участниками делиберативного процесса. Но, все-таки, главное – это соотношение общих и частных интересов с точки зрения возможности пожертвовать последними. Конечно, по большому счету, процесс трансформации предпочтений остается не совсем ясен. Единственное, что более-менее не вызывает сомнений – это блокировка узкоэгоистичных аргументов и необходимость выражения готовности к восприятию.

В соответствии с теорией любая действующая ассоциация может рассматриваться как форма социального капитала. По Колмену, существует разделение «вертикальных» и «горизонтальных» типов ассоциаций. Отталкиваясь, от этого разделения, Патнэм исключает «вертикальные» (объединение по типу патрон – клиент) формы как возможный источник гражданского участия. Он объясняет это тем, что в этом случае имеет место развитие оппортунистических форм поведения – эксплуатация (в случае патрона) или подчинение (в случае клиента). В случае «горизонтальных» ассоциаций, наоборот, развиваются сильные реципрокные формы взаимодействия, улучшается коммуникация, и развиваются установки на доверие. Но остается не совсем ясным, почему исключаются определенные формы ассоциаций (у Патнэма ярким примером ассоциации такого типа является мафия). Под угрозой смерти мафия достигает доверия членов данного института друг к другу. Решается дилемма коллективного действия, Но для более широких кругов общества в результате социальное недоверие увеличивается. То есть, можно говорить о сложной динамике доверия – недоверия.

Полезным является различие между ассоциациями, ориентированными на частные и публичные цели. Последние способствуют возникновению более сильных форм социального капитала. Существование в течение долгого времени такого типа ассоциаций рассматривается как свидетельство значимого проявления социального капитала. Но не все так просто. В ассоциации, созданной для преследования частных целей, также возможно возникновение социального капитала, часто как побочного продукта (взаимное доверие и т. п.)

В случае горизонтальных ассоциаций – нет отношений зависимости между членами, отсюда с самого начала менее выражены конфликтные ин-

тересы. Делиберативный процесс может и не начаться, но место для его возникновения сохраняется. Как известно, Токвиль ввел различие между гражданскими и политическими ассоциациями. В гражданских ассоциациях индивиды более автономны, в случае политических – более очевидна необходимость кооперации для достижения политической цели. Такие эффекты делиберативности как получение дополнительной информации или взаимная рациональность, готовность к диалогу, встречаются в обоих случаях. Но с точки зрения изменения предпочтений этого легче добиться в случае проблем, связанных с сообществом в целом, чем при обсуждении вопроса, кто будет платить за возможность проведения следующего футбольного матча в вашем клубе. Долгая традиция классического республиканства развивалась часто именно как идеология самоуправляемой гражданской общины, объединенной общими действиями и патриотической идентификацией. После спора «древних» и «новых»; после текстов Монтескье, Юма, Гамильтона возникает важное новое измерение «общезития». Речь идет о том, что «цивильное» в обществе связано с «коммерцией». Это не «энтузиазм» с его религиозной нетерпимостью (ярким примером «энтузиазма» для многих интеллектуалов XVIII в. является английская пуританская революционная идеология XVII в.). Основа политики – привычка и собственный интерес. У торговцев не остается ни времени, ни желания на проявление религиозной нетерпимости. Но «цивильность» – это также «политес», манеры, умение держаться, общаться при дворе, в салоне или в кофейне. Правда, наряду с этим, сохраняются и сторонники традиционных республиканских интерпретаций. Тем не менее, Юм рассуждает о политике как об искусстве институциональной архитектуры (умение выстраивать институты).

Если мы попытаемся учесть эти исторические изменения, то можно увидеть противоречивость различных составляющих современного понимания гражданства. Такие его измерения как: патриотизм, цивильность, толерантность, политический активизм, – во многом, предполагают различные стратегии действий. Первое и последнее из этого списка связано со страстью, с публичностью и активностью. Цивильность и толерантность служат для сглаживания различий; основой для оценки собственных, индивидуальных интересов как фрагментарных, частных и противоречивых; они учат быть спокойными и пассивными гражданами. Речь может идти о двух режимах гражданственности: активном и пассивном. В этом смысле между солидарностью и толерантностью не обязательно должно устанавливаться взаимодействие, более того возможен конфликт. Сам патнэмовский подход мало что говорит о роли конфликта в развитии общества. По мнению же Хиршмана, жизнеспособность современных государств связана с умением и постоянным обучением управлять конфликтами¹⁹. С этой точки зрения можно говорить о своеобразной школе «республиканского

конфликта» (умению постоянно ставить вопрос, что такое общее благо) и проблеме обучения в этой школе. Самое главное, что часто именно конфликт создает отношения, которых не было раньше в обществе – новые правила игры, новые институты.

Помимо неконфликтной перспективы, которую задает патнэмовская теория, вызывает сомнение и тезис Патнэма о полной обусловленности предыдущим историческим опытом (path dependancy) актуального состояния итальянской политики, связанного, например, с гражданским участием. Он играет в итальянском контексте и то не всегда. Помимо золотого века республики в эпоху Ренессанса, в истории итальянских городов-государств в это же время существовали и тирании. Но тогда встает законный вопрос: почему на современность влияет одно, а не другое? В случае Италии, почему республики и норманны, а, например, не фашизм и не процесс объединения Италии?

Отдельного упоминания заслуживает проблема взаимодействия локального гражданского участия с государством и национальным сообществом. Традиционно гражданская солидарность преодолевает классовые, региональные различия. Локальный патриотизм вписывается в национальный, есть взаимодополнение. И очень важно, что без гражданского государства нет гражданского общества. По мнению многих современных исследователей, в случае Восточной Европы в конце 80-х гг. XX в. не тоталитарное государство освобождало общество, а само общество заменило государство. В свою очередь, перед тем как стать гражданином должны существовать работающие институты, в рамках которых ты им становишься.

Размышляя о приложимости данных концепций к нашему опыту, необходимо сделать ряд оговорок. Некоторые из них мы уже привели выше. Они связаны с фрагментарностью современного российского общества, его «двойственной», «тройственной» социальной реальностью. Причем эта реальность ставит под сомнение, как само возникновение социального капитала, так и ведет к возникновению специфических форм социального капитала, связанных с криминальной средой, с коррупцией. Такого рода социальный капитал часто циркулирует только в режиме замкнутой группы, четко структурированной по принципу «свой – чужой»; с очень ограниченным радиусом доверия. Но доставшееся советское наследие, связанное с грамотностью, урбанистичностью, в то же время вполне может способствовать развитию и других форм социального капитала, в том числе и связанных с активным гражданским участием. Такие процессы развивались, например, в начале 90-х гг. XX вв. С точки зрения Степаненко, постсоветское государство может способствовать этим процессам. Но, по моему мнению, современное российское государство играет совершенно другую роль, выступая одновременно, как основной объект выражения недоверия

граждан и как главный арбитр, медиатор между различными фрагментами российского общества (если в данном случае корректно употреблять этот термин).

Часто размышления о современных путях развития России связаны с традиционным противопоставлением демократия – недемократия. Но лобовое прочтение этих концептов не выдерживает соприкосновения с реальностью. В этом смысле все традиционные поражающие воображение метанарративы о восточном, западном или специфическом пути развития русской цивилизации, оставаясь хорошей базой для выяснения идеологических предпочтений, в меньшей степени могут быть полезны для понимания динамики политического развития России.

На этом фоне теория социального капитала как одной из основ развития гражданского действия то, что называется, имеет место быть. Конечно, концепция Патнэма заслуживает критики. Тем не менее, она способствует постановке ряда важных проблем, например, условия возможности совместного, коллективного действия. Работает и различение «горизонтальных» и «вертикальных» социальных связей, акцентирование роли доверия. В данном случае, конечно, можно говорить о целом направлении в общественных науках (социология, экономическая теория, политология), связанном с именами Д. Колмена, Г. Лаури, П. Бурдые, Ф. Фукуямы, Э. Остром и рядом других исследователей. Отдельного упоминания заслуживает проблема возникновения социального капитала. Если у Патнэма все предопределенно, то Фукуяма, как мы видели, рассуждает о разных источниках капитала. Социальный капитал может возникать, может пропадать. Он похож на другие формы капитала, он может устаревать, портиться, исчезать. Но он и отличается от других форм капитала, например, от человеческого (в мозгах) и от обычного (на банковских счетах). Главное в случае социального капитала – человеческие взаимодействия как основа его развития. В условиях современной России старый вопрос – «как возможно общество (Г. Зиммель) приобретает особенную остроту. Он также напрямую связан с различными измерениями гражданственности и существующими алгоритмами изменения демократии²⁰.

Для современного этапа развития политического процесса в России (на уровне интерпретации) характерной чертой является обращение к риторической фигуре Народа (с большой буквы). Если есть такой Народ, то есть и Власть, коррумпированная, некомпетентная, циничная, корыстная, не способная ни на что, кроме очередного обмана Народа²¹. В таких условиях часто различные массовые движения развиваются в рамках горизонтальных ассоциаций, ориентированных на идею «общего блага». Иногда можно говорить о мощном развитии внутренней, групповой идентичности с четкими границами, с идеей преемственности. Если рассматривать этот феномен в рамках гражданственности, то мы видим становление культу-

ры солидарности, связанной с идеей активного гражданского действия. Но здесь нет и следа толерантности и цивилизности, составляющих пассивное измерение гражданственности. Есть социальный капитал, есть традиция его проявления, влияющая на развитие гражданского активизма. Но доверие, циркулирующее в группе, имеет ограниченный радиус распространения. Часто никакого диалога с бизнесом и властью не возникает. Власть виновна по определению. Бизнес – это слуга власти (или, наоборот, что в данном случае неважно). Но и сам бизнес тоже не вступает ни в какой диалог с такими движениями. Движение и бизнес представляют в этом случае как бы два фрагмента, не связанные ничем, вращающиеся вокруг собственных осей в безвоздушном пространстве. Более того, если сравнивать их дискурсы, то очевидным повторяющимся моментом будет теория заговора (спецслужб или Запада). Возникает ситуация тупика, где выход не просматривается. В логике фрагментированного общества главным виновником всего является государство, но и главным, и единственным арбитром является этот же институт.

Очень важной чертой современного политического процесса является изменение его прежнего элитного характера, доминировавшего в 90-е годы, на массовый (правда, чаще уместнее говорить, о востребованности этой массовости с учетом возможности манипулировать ею). Можно обозначить это как возвращение призрака или мифологии «общей воли» в политику. Власть заинтересована в поддержке «народа», в опоре на идею «общей воли», но именно как абстрактной, лишенной конкретного наполнения сущности, которой легко манипулировать и которую легко видоизменять. Сложные, элитные «разборки» никуда не исчезают, они просто оттесняются в тень, полностью превращаясь в неформальные отношения. Ведь, как мы знаем, при Ельцине так и не были созданы работающие институты, в том числе связанные с различными элитными интересами, с представительством социальных групп и т. п. Возникающее движение отличается ориентацией на активизм, на развитие новых форм солидарности, например, локальных, но не на проявление толерантности и «цивилизности». В случае конфликтов власть разрешает проблемную ситуацию, но отнюдь не путем создания институтов.

Выстраиваемый таким родом политический процесс (власть как арбитр и медиатор для отдельных фрагментов общества) не помогает избежать возможности очень острых политических кризисов, связанных как с самой логикой демократии участия (различные возможности манипулирования, неконтролируемый активизм), так и с традиционалистским отношением к власти вне рациональных, разработанных и воспринятых людьми процедур ее контроля, участия в ней, давления на нее через работающие общественные и политические институты.

Примечания

1. Loury G. C. Intergenerational transfers and the distribution of earnings // *Econometrica*. – 1981. – N. 49. – P. 843–867. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology* – 1988. – N. 94 – P: 95–120. Foley M.W., Edwards B. Escape From Political Social Theory and Social Capital Debate. – *American Behavioral Scientist*. – 1997. – N. 40 (5). – P. 550–561. Newton K. Social Capital and Democracy. – *American Behavioral Scientist*. – 1997. – N. 40 (5). – P. 575–586.
2. Putnam R. D. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. – Princeton University Press. (Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996).
3. Фукуяма Ф. Социальный капитал // *Культура имеет значение*. – М., 2004. – с. 129–148.
4. Фукуяма Ф. Социальный капитал // *Культура имеет значение*. – М., 2004. – с. 143–45.
5. Роуз Р. Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. – 1998. – №2 (23) – с. 71.
6. Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People*. – Oxford University Press. – 1989.
7. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001. Особенно первая глава «Природа малого общества», носящая методологический характер. И третья глава «Попытка обобщения: «разорванное общество», содержащая конкретное описание различных техник социального общения в советском и постсоветском обществах.
8. Хлопин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // *Российская политика на рубеже веков*. – М., 2002. – с. 211–251.
9. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2004. – № 2. – с. 24–41.
10. Кордонский С. Государство, гражданское общество и коррупция // *Отечественные записки*. – 2005. – № 6 (27).
11. Berman S. Civil Society and Political Institutionalization // *American Behavioral Scientist*. – 1997. – N. 40 (5). – P. 562–574.
12. Критику, с точки зрения корректности применения теории социального капитала, для больших социальных групп и возможности использования для оценки уровня развития гражданственности см.: Mouritsen P. What's the Civil in Civil Society? Robert Putnam, Italy and the Republican Tradition // *Political Studies*. – 2003. – Vol. 51. – P. 650–668.
13. Речь идет о республиканской традиции как части общеевропейской традиции отношения к политике, интерпретации развития политического, оценки

- исторических изменений различных политических режимов и т. п. На русском языке исследователи, анализирующие данную традицию, представлены явно недостаточно (впрочем, как и сама традиция). Тем не менее, можно назвать ряд работ, где данная тема, так или иначе, затрагивается, например: Ильин М.В. Слова и смыслы. – М., 1997.
14. Республиканскую традицию можно рассматривать как историческую традицию и как проблему современного демократического устройства. См.: Ильин М.В. Слова и смыслы. – М., 1997. – с. 296–309. М.В. Ильин пишет об оформлении в эпоху Ренессанса «флорентийской» и «венетийской» моделей республики. Первая из них была связана с идеей участия граждан. Вторая акцентировала проблему устойчивости формальных институтов. Обе традиции получили затем свое дальнейшее развитие.
 15. Пара зависимость – независимость является одной из самых важных в размышлении о путях развития республики в классическом республиканизме. Одну из своих классических и влиятельных интерпретаций эта тема получает у английского республиканца XVII в. Д. Гаррингтона.
 16. Интерпретация политики как делиберативного процесса ярко проявляется в один самых важных для развития современного республиканизма моментов – у американских отцов-основателей во время Американской революции конца XVIII в.
 17. Это, в свою очередь, ярко проявляется в «шумпетерианском» понимании демократии, критикующем идею «общей воли» как фикцию. См.: Капустин Б.Г. Грядущие выборы и правила шумпетерианской демократии // Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – с. 55–69. По мнению автора, можно говорить о своеобразном демократическом алгоритме. О нем рассуждает А.М. Салмин, анализируя противоречия руссоистской концепции «общей воли». Это движение от частного интереса к «общей воле» и обратно.
 18. См.: Салмин А.М. Современная демократия. – М., 1997. – с. 60–63.
 19. Hirschman A. Social Conflict as Pillars of Democratic Market Society // Political Theory. – 1994. – N. 22 (2). – P. 203–218. Козер Л. Функции социального конфликта. – М.: Идея – Пресс, 2000.
 20. Зиммель Г. Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. В 2 т. – М., 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – с. 509–528.
 21. В данном случае ярко проявляется (на уровне ценностных установок) характерная для традиционного общества дихотомия «власть–народ». См.: Поляков Л.В. Основы политического консультирования. – М.: МГУ, 2004. – с. 31. Это традиционалистское понимание Власти как «вещи в себе и для себя» усиливается за счет специфики современного российского общества.